

крыла, я взбирался по козьим тропам на водораздел, противоположный склон которого до самого берега, на протяжении двух миль, устилала зеленая пелена сосновых вершин. На западе, за шелковым ковром моря, высилась тенистая горная стена материка, эхом отбрасывавшая на пять-шесть десятков миль, к южному горизонту, звон огромного колокола высот. Лазурный, изумительно чистый мир; глядя на ландшафт, что открывался с вершины, я, как всегда, позабыл о своих огорчениях. Пошел по гребню холма на запад, вдоль диаметра двух глубоких перспектив, северной и южной. Вверх по стволам сосен, как ожившие изумрудные ожерелья, скользили ящерицы. Тимьян, розмарин, разнотравье; кустарники с цветами, похожими на одуванчики, тонули в лучистой синеве неба [Фаулз, Дж. Волхв / Дж. Фаулз. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 64]. Живописный пейзаж, насыщенный цветом и светом, как нельзя более точно передает состояние Николаса, для которого время как будто бы застыло. Он буквально «растворяется» в природе греческого острова, погружается в безвременье. Красота природы ощущается во всем, что окружает героев романа. Именно после посещения Греции к Фаулзу приходит осознание того, что он испытывает радость бытия. Подобным ощущением наполнен весь роман «Волхв», замысел которого возник во время пребывания писателя на греческом острове Спеце, где в начале пятидесятых годов XX века он преподавал в частной школе. Не случайно в романе так много описаний живописных пейзажей. Во взаимодействии пейзажа и необыкновенного света, по мнению Фаулза, зародилась величайшая культура греческого народа. В этом кроется объяснение притягательности Греции. Поэтому Николас Эрфе возвращается в Англию уже другим человеком. Он подобен Одиссею, попавшему под чары Цирцеи. Но, в отличие от Одиссея, он так никогда от них не избавился. Пребывание на греческом острове с его неповторимой природой и божественным светом оставляет неизгладимый отпечаток в душе главного героя. По мнению Фаулза, ландшафты, подобные греческим, красоты природы, эмоции, которые человек испытывает в соприкосновении с ними, неизмеримо его развивают. Природа – сверхчеловечна, она – вне реального исторического времени. В этом и состоит тайна ее особого воздействия: она заставляет остро почувствовать момент собственного бытия, его уникальность, и, вместе с тем, его уязвимость и конечность. Об этом и повествует роман «Волхв».

В. Г. Минина

ПАМЯТЬ ГЕРОЕВ В РОМАНЕ К. ИСИГУРО «НЕ ОТПУСКАЙ МЕНЯ»

В произведениях К. Исигуро (р. 1954) память является элементом, одновременно формирующим и деконструирующим процесс повествования.

Тема памяти не нова для английской литературы. На рубеже XX–XXI веков ее затрагивают такие писатели, как С. Рушди, М. Эмис, Дж. Барнс, Г. Свифт, П. Баркер, Б. Ансворт, И. Макьюэн и др.

При создании картины мира и образов героев К. Исигуро прибегает к постмодернистским приемам, в частности, к «ненадежным» рассказчикам. Важной чертой субъективного повествования является контраст между двумя версиями одних и тех же событий: эксплицитно выраженной субъективной версией рассказчика, являющегося вследствие этого «ненадежным», и имплицитной версией, вытекающей из всего повествования, к которой искусно, ненавязчиво подводит К. Исигуро своего читателя, опираясь и рассчитывая на его осведомленность в истинном характере изображенных событий.

Российская исследовательница О. А. Павлова говорит о том, что избирательность памяти героев и их стремление скрыть некоторые факты или представить их в несколько ином ракурсе можно объяснить как вполне объективными причинами, так и страхом и страданием от комплекса вины за прошлые поступки. События прошлого, которые человек хранит в памяти, всегда являются предметом различных интерпретаций, переосмыслений и манипуляций. Читатель так до конца и не может определить степень достоверности излагаемых рассказчиком событий. По мере того, как герои возвращаются в прошлое с помощью или вопреки своей памяти, они сталкиваются с феноменом «переиначивания» своих историй.

У Кэти, героини романа «Не отпускай меня» («Never Let Me Go», 2005), роль стороннего наблюдателя и миротворца. Она повествователь, но читатель чувствует, что на ее мнение часто влияют другие. Она, как зеркало, отражает чувства и взгляды других людей и поэтому нередко ошибается в оценках, что делает ее «ненадежным» рассказчиком. Помимо этого, ее часто подводит память: память человека часто оказывается недостоверной, искажающей события прошлого, особенно в ситуациях после пережитого сильного стресса (как в случае с Кэти, которая рассказывает о событиях прошлых дней после ухода из жизни подруги и любимого человека).

Человеческой памяти присуща определенная неоднозначность, когда мыслимое и действительное неизменно вступают в противоречие. Повествуя о тех либо иных событиях, героиня то и дело говорит: *Or maybe I'm remembering it wrong; but from what I remember; I don't remember exactly; I can't remember; All I remember; I don't now remember; As far as I remember; It's hard now to remember; and what I remember now; and I remember it; the fact that we knew and remembered things no one else did; I can remember us; What I do remember is; I remember thinking; But you remember how it was; As far as I remember* и т.д. Ее прошлое словно окутано пеленой. Она часто спорит с подругой о прошлом, не приходя к единому мнению: у каждой своя картина произошедшего. И читатель не знает, кому верить: то ли строптивой Рут, всегда навязывающей людям свое, пусть и не соответствующее реальности, мнение, или путающейся в воспоминаниях Кэти.

Тот факт, что описываемая реальность и люди существуют лишь в воспоминаниях рассказчика, подчеркнут в романе активным употреблением слов из семантического поля «память», встречающихся почти на каждой странице романа (*remember, remind, look back, memory, never forget, think back, recall, reminisce*).

Вот пример фраз, которые использует героиня для конструирования реальности: *I can remember how the sun was glinting on the muddy surface of the grass; I remember watching once; I remember a time when; There's an instance I can remember from when we were about eleven; I'd remembered it because it had puzzled me at the time; I remember there was a log burning in the fireplace, and that we were doing a play-reading; I remember feeling furious at Polly; I remember one night, when we were furious with Marge K.; and I remember even thinking once or twice how it would be better if she didn't get a chance for ages; Then, that particular time, I remember how she paused and drifted off into thought; And for days afterwards I remember how we made Marge's life an utter misery.*

Для уточнения реальности, для более детального описания происходивших событий и, словно, для подтверждения правдивости своих воспоминаний Кэти говорит: *I remember having books in my hands; I remember it being stifling that day, even though we had the fan rattling behind us; After that, I remember us sitting on those beds, talking for some time; It was a sunny afternoon and I'd gone to our dorm to get something. I remember how bright it was because the curtains in our room hadn't been pulled back properly, and you could see the sun coming in in big shafts and see all the dust in the air; I remember some people being pleased.*

Даже прямая речь героев не единожды вводится словами *remember*: *"After we left the room," Tommy remembered, "that's when I first heard them talking. And they didn't care I could hear."*

Конструирование повествования происходит и в случае, когда в памяти героини внезапно всплывает некое воспоминание: *But it was around here I remembered the time back at Hailsham, when we'd still been Juniors and we were having a picnic by the pond with Miss Geraldine; When he said this, I remembered the way I'd held onto him that night in the wind-swept field on the way back from Little-hampton.* Тогда у читателя создается впечатление, что нарративный дискурс строится в момент появления воспоминаний и дальнейшего описания Кэти тех либо иных событий из прошлого.

Для передачи воспоминаний герои также используют модальные глаголы, модальные слова и наречия меры и степени, указывающие на большую либо меньшую степень уверенности в происходившем: *It **must** have been a Friday or a weekend, because I remember we had on our own clothes. I don't remember **exactly** what Tommy was wearing – **probably** one of the raggy football shirts he wore even when the weather was chilly – but I **definitely** had on the maroon track suit top that zipped up the front, which I'd got at a Sale in Senior 1; I'm not sure / I'm **sure** I was pretty typical in not being able to remember how or when I'd first heard about it. Certainly, it hadn't been from the guardians; I **must** by then have already known about the Gallery, because I remember the excitement and pride; and I can't remember **exactly** what we were talking about; I **can** remember one or two students not bothering much with their collections; But she **must** already have made some impression on me, because I remember carrying on*

*busily with whatever I was doing in the sand, **absolutely** dreading the idea of her turning her gaze on me; It was **maybe** a day later; But I'm **pretty certain** he was wrong there; Later, when I'd had time to think it over, I worked out it **must** have happened no more than a few days after the morning* (выделено нами. – В. М.).

Также автор конструирует реальность и воспроизводит механизмы работы человеческой памяти при помощи глаголов умственной деятельности, которые в большинстве своем выражают неуверенность: *I'd **suppose** now it was something passed down through the different generations of Hailsham students* (выделено нами. – В. М.).

Но память человека – это ненадежный инструмент. Иногда она вводит в заблуждение, искажает реальность, порождает события, которые не происходили на самом деле. Кэти иногда оговаривается, что не так отчетливо помнит некое происшествие либо то, что это ее версия событий. Вот, к примеру, описания эпизодов, которые ускользнули из ее памяти: *And that's all I remember of Ruth from that early time; She reeled off several more names I don't now remember; I don't remember if it was before or after the class, or how full the room was; Someone – I can't remember who it was – claimed after the lesson; and what I remember now is that I went down the staircase burning with shame and resentment; On that occasion, as far as I remember.*

Даже обращаясь к воображаемому читателю, героиня взывает к его памяти, просит запоминания, словно подспудно желая хоть как-то остаться в этом мире – если не физически, то в памяти других, пусть и незнакомых людей: *This might all sound daft, but you have to remember; What you have to remember is that I lost my tape less than a month after that.*

Однако Кэти отличается от рассказчиков предыдущих романов К. Исигуро тем, что последние отказывались смотреть на прошлое реально в силу самообмана; прошлое для них – чаще всего источник сожалений. Кэти, напротив, намеренно убегает в прошлое – в то время, когда она еще не знала, какая судьба ей уготована. Для нее прошлое – время утешения; настоящее и будущее стало временем потерь, когда один за другим стали уходить друзья и привычные вещи. Она держится за прошлое, потому что там все еще живы и жизнь течет в привычном русле. Не имея будущего, Кэти живет прошлым, воспоминания – это ее жизнь и сила. Благодаря памяти о прошлом жизнь героини обретает свою целостность.

Л. В. Первушина

ОБРАЗ ЭМИГРАНТА В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ Я. НОВАКА

Вторая половина XX – начала XXI века знаменует собой особый исторический период, который характеризуется значительным переосмыслением многих философских, социально-политических, эстетических и художественных концепций. Мощные транснациональные эмиграционные/иммиграционные/миграционные процессы влияют на изменение культурной картины